
УДК 316.34(470.6+470.45)

ББК 60.524.56(235.7)

К 49

Л.В. Клименко,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры социальных коммуникаций и технологий Педагогического института Южного федерального университета, E-mail: lucl@yandex.ru

Групповая идентичность возрастных групп населения южно-российского макрорегиона

(Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются возрастные особенности групповой идентичности, представленные в общественном сознании населения пяти субъектов федерации — Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Адыгея. Исследуется выраженность уровневых компонентов в региональной идентификации населения. Показывается соотношение примордиальных и конструируемых компонентов в структуре идентичности возрастных подгрупп респондентов.

Ключевые слова: гражданская, региональная, этническая идентичности, Юг России, социальное конструирование, «Мы-идентичность», структура идентичности, социальная интеграция.

L.V. Klimenko,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Scientist of Social Communications and Technologies Department at Pedagogical Institute of Southern Federal University, E-mail: lucl@yandex.ru

Group identity of age groups of the population in southern macro-region of Russia

Abstract. The paper discusses the age features of group identity presented in public consciousness of the population of five subjects of federation — the Rostov and Volgograd areas, the Krasnodar and Stavropol territories and the Adygheya Republic. The author examines expressiveness of level components in regional identification of the population and shows the correlation of primordial and designed components in identity structure of age subgroups of respondents.

Keywords: civil, regional, ethnic identity, the South of Russia, social designing, “We as identity”, structure of identity, social integration.

В последние годы обострился интерес учёных и исследовательских центров к изучению культурной идентичности населения России. Этот интерес не случаен и связан с широкими возможностями для воздействия на общественное сознание и корректировки социальных процессов в различных регионах страны. Особенно востребовано изучение особенностей идентификации социальных групп современного российского общества в контексте регулирования межэтнических отношений.

В условиях сохранения и роста поликультурности и поликонфессиональности общества в целом и различных его административно-территориальных сегментов социальная идентичность предполагает одновременное сосуществование гражданского, этнокультурного (включая конфессиональный элемент) и регионального компонентов, которые могут конкурировать, но могут и взаимодополнять друг друга.

Поэтому задача стабилизации социально-экономической и политиче-

ской ситуации и формирования долгосрочной комплексной политики межэтнической толерантности требует чуткого реагирования управленческих структур муниципалитетов и субъектов федерации на подвижки в сфере общественного сознания, интегрированным показателем которого выступает социальная идентичность. Задача государственных структур состоит в обеспечении непротиворечивого сочетания этих компонентов при доминировании гражданской идентичности.

Особенно актуальна проблематика формирования и поддержания толерантного стабильного сосуществования различных социокультурных подгрупп населения в пространстве современного Южного федерального округа, который включает в себя гетерогенные в социально-экономическом, этническом, конфессиональном и пр. плане территории. С целью эмпирического изучения структуры множественной социальной идентичности населения ЮФО было реализовано конкретно-прикладное социологическое исследование в пяти субъектах Юга России — в Ростовской (опрос 2009 г.) и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Адыгея (опрос 2011 г.) [1]. Кроме того, в 2011 г. была реализована серия глубинных интервью с учеными, управленцами, журналистами из Краснодара, Майкопа, Ставрополя, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Волгограда (14 экспертов). В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении эмпирических результатов опроса по проблеме особенностей групповых идентификаций возрастных групп населения Юга России и формирования у них южно-российской идентичности.

Применяемый в количественном опросе подход к фиксации «*мы-идентификации*» представляет собой модифицированный вариант методики, используемой в работах В.А. Ядова и его коллег [2]. В нашем опросе респонденту нужно было отобрать не более 5 вариантов ответов на вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим

взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: «это мы»? К каким группам людей вы себя чаще всего относите?». Как отмечают исследователи, психологический механизм отбора я- и мы-идентификаций во многом аналогичен — в обоих случаях задействуются когнитивные структуры психики человека. Однако, в отличие от личностной идентичности, которая более рациональна, в вопросе о мы-идентификациях акцент смещается на более эмоциональное отношение респондента к другим окружающим его людям, группам или воображаемым сообществам, соотнося себя с которыми, он чувствует их близость или отторжение [3].

Материалы социологического опроса по блоку *групповых идентификаций* показывают, что среди *взрослого населения* трёх территориальных сегментов — Ростовской области, Краснодарского края и Республики Адыгея по частоте выбора на первое место выходят реальные группы повседневного общения (сверстники, единомышленники, товарищи по работе). С ними усиленно соревнуются конструируемые сообщества (государство, этнос, регион).

А именно, более половины жителей Юга России выбирают в качестве близких общностей людей своего поколения (от 58,5% до 64,3%), общей профессии (около четверти респондентов в Ростовской области и Краснодарском крае и 40,3% — в Адыгее). С другой стороны, достаточно высокий процент опрошенных указывают на сильную эмоциональную близость к государственному сообществу (от 29,2% до 31,4%). (см. табл. 1).

На групповом уровне региональная идентификация в совокупности всех позиций проявляется у 29,5% жителей ростовского региона, у 42,9% — краснодарского и наиболее высока представленность данного вида идентичности у жителей Адыгеи и составляет 60,7% опрошенных. Кроме того в «адыгской подгруппе» в три раз больше тех респондентов, которые считают своей «мы-группой»

соответствующую этнонациональную общность (табл. 1). Здесь необходимо указать, что в выборке опроса были представлены и титульное население

республики (45,6%), и русские жители (25,4%), а также и представители других национальностей (армяне, турки, ингуши и пр.).

Таблица 1.

**Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«О каких группах Вы можете сказать: «это мы»?
К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?»**

№	Варианты ответов	Взрослое население		
		Ростовская область	Краснодарский край	Республика Адыгея
1	к людям своего поколения	58,5	64,3	63,6
2	к людям своей профессии, рода занятий	24,0	21,4	40,3
3	к людям такого же достатка	9,8	15,7	19,6
4	к гражданам России	30,8	31,4	29,2
5	к жителям своего региона (Ростовской области / Краснодарского края/Республики Адыгея)	16,6	22,9	41,6
6	к жителям Юга России	8,2	12,9	8,0
7	к жителям Северного Кавказа	4,7	7,1	11,1
8	к людям одной веры	11,0	8,6	16,0
9	к людям своей национальности	11,2	11,4	32,3
10	к людям определенных политических взглядов	3,5	4,3	8,8
11	к группе успешных людей	4,2	8,6	15,5
12	я сам по себе и ни к кому себя не отношу	8,9	4,3	2,8
13	другое	2,3	2,9	0,8
	Всего	193,5	215,7	294,8

Основное большинство *молодёжи* всех групп также, как и взрослое население, выбирают в качестве параметров «мы-идентификации» общность с людьми своего поколения (от 54,3% до 67,8%). Кроме того, достаточно высокий процент молодых респондентов из Ростовской области и Краснодарского края указывают на эмоциональную близость к общероссийскому государственному сообществу (41,2% — в первом случае и 36,6% — во втором). Данный параметр по частоте указаний занимает второе место в этих территориальных сегментах (табл. 2).

Среди молодёжи Адыгеи на втором месте в рейтинге распространённости располагается групповая идентификация по профессиональному признаку (46,3%). Кроме того, среди республиканской молодёжи наиболее высок

процент указаний на мезоуровень региональной идентичности, когда 39,7% опрошенных отмечают эмоциональную близость с жителями Адыгеи. Данный параметр собирает 28,8% опрошенных в «ростовском» сегменте и 23,3% — в «краснодарском» (табл. 2).

Территориальная специфика идентичности молодёжи проявляется также ещё и в том, что важным параметром, определяющим социальную дистанцию, выступает материальный достаток, по которому происходит «идентификационный отбор» у пятой доли молодых людей «ростовской» и «адыгейской» подгруппы. Обращает на себя внимание также процентные показатели политической идентичности, которая в несколько раз чаще демонстрируется в группе адыгейской молодёжи (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«О каких группах Вы можете сказать: «это мы»?
К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?»

№	Варианты ответов	Молодёжь		
		Ростовская область	Краснодарский край	Республика Адыгея
1	к людям своего поколения	55,9	54,3	67,8
2	к людям своей профессии, рода занятий	26,5	22,0	46,3
3	к людям такого же достатка	20,6	9,7	19,0
4	к гражданам России	41,2	36,6	28,1
5	к жителям своего региона (Ростовской области / Краснодарского края/Республики Адыгея)	14,7	10,2	39,7
6	к жителям Юга России	14,7	4,3	5,0
7	к жителям Северного Кавказа	5,9	10,8	5,0
8	к людям одной веры	11,8	15,6	14,0
9	к людям своей национальности	17,6	1,6	12,4
10	к людям определенных политических взглядов	2,9	4,8	26,4
11	к группе успешных людей	11,8	12,4	7,4
12	я сам по себе и ни к кому себя не отношу	5,9	2,2	18,2
	Всего	229,4	184,4	292,6

Две трети студентов Волгоградской области и 64,6% — Ставропольского края также демонстрируют близость с людьми своего поколения. На втором месте по числу указаний располагается общегражданская идентичность, которая собирает 37,1% волгоградской и 42,3% ставропольской молодёжи. Эмпирические результаты опроса показывают, что важным для студентов Ставрополья является макроуровень регионального уровня групповой идентификации. 32,4% из них выбирают в качестве своей «мы-группы» жителей Северного Кавказа. Этот показатель более чем в 3 раза выше, чем в других территориальных сегментах молодёжи.

Данная ситуация вполне объяснима, так как Ставропольский край и г. Пятигорск с 2010 г. является административным центром Северо-Кавказского федерального округа. В этой связи активно формируемые в настоящее время в информационном пространстве Ставропольского края дискурсы, связанные с северокавказской проблематикой, resultируются в повышение представленности конструктов региональной идентичности в сознании молодёжи. Кроме того, более чем в два раза чаще ставропольская молодёжь указывает на близость к людям своей национальности (38,8%) и к людям одной веры (29,2%). (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«О каких группах Вы можете сказать: «это мы»?
К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?»

№	Варианты ответов	Молодёжь	
		Волгоградская область	Ставропольский край
1	к людям своего поколения	71,2	64,6
2	к людям своей профессии, рода занятий	27,3	42,4
3	к людям такого же достатка	10,6	6,3

№	Варианты ответов	Молодёжь	
		Волгоградская область	Ставропольский край
4	к гражданам России	37,1	42,3
5	к жителям своего региона (Волгоградской области /Ставропольского края)	28,8	25,0
6	к жителям Юга России	7,6	8,1
7	к жителям Северного Кавказа	3,0	32,4
8	к людям одной веры	12,9	29,2
9	к людям своей национальности	25,0	38,8
10	к людям определенных политических взглядов	12,9	5,7
11	к группе успешных людей	18,9	24,1
12	я сам по себе и ни к кому себя не отношу	10,6	1,6
13	другое	3,8	6,7
	Всего	269,7	327,2

Результаты глубинных интервью с экспертами фиксируют длительно формирующееся латентное противоречие при формировании идентичности населения Юга России: стихийно развиваются «снизу» (от субъектов федерации) экономические макро-региональные связи, параллельно с этим «сверху» учреждаются профильные макрорегиональные структуры, которые позволяют оптимизировать управление. Однако обе эти тенденции не входят в резонанс, и не происходит конституционного оформления макрорегионов. Вместе с тем, практически все эксперты единодушны в оценке позитивности и высокой значимости процесса формирования южно-российской идентичности, указывая при этом интегрирующую роль городской поселенческой и макрорегиональной идентификации.

Приведем некоторые оценки. В частности, представитель администрации одного из городов Кавминвод отметил огромную роль политики губернатора Краснодарского края, направленную на формирование идентичности кубанцев: «Он поднял на флаг значимость кубанцев. И сплотил население вокруг этой идеи. Я много общаюсь с мэрами городов Кубани и вижу, что эта политика дает реальные плоды. Приезжие армяне очень хорошо встраиваются в местное сообщество, понимают существующие порядки и их поддерживают. И даже при каких-то

конфликтах, как это было в лагере в Туапсе, сразу сплотились местные русские, греки, армяне, не позволив разгореться конфликту, инициированному кавказцами. Все разделяют формулу: мы живем здесь, мы разной национальности, но это наш дом. Это политика краевых властей и она грамотная». Другой эксперт-ставрополец обращает внимание на специальную политику собственной городской администрации: «У нас есть городская целевая программа, согласно которой заложены деньги на проведение всевозможных тренингов, обучение лидеров диаспор, распространение методической литературы, проведение различных занятий с молодежью. Мы создали при молодежном совете города национальное отделение. Основное направление — поддержка культурных инициатив и проведение ежегодно большого гала-концерта, представления национальных культур. На этих мероприятиях мы стремимся привить российскую идентичность. Эти праздники идут под российскими знаменами, с акцентом на том, что Россия — общий дом».

Существенную роль в этом сыграло разделение формирующегося макрорегиона — Юг России, — на два округа — Южный федеральный округ (ЮФО) и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Негативное значение этого политического решения для формирующейся южно-российской идентичности отмечают все экспер-

ты, как ученые, так и управленцы, представители административных структур: «Выделение СКФО акцентировало именно северокавказскую идентичность как идентичность автохтонную, горскую, титульную за счёт доминирования среди субъектов СКФО республик. Более того, создание СКФО как оправданное политико-управленческое решение воспринимается зачастую жителями республик как целевая стратегия, направленная именно на удовлетворение интересов республик».

Эксперты из разных субъектов федерации ЮФО и СКФО совпадают и в итоговых оценках: «Несмотря на оптимистичные ожидания некоторых политиков в связи с созданием нового федерального округа, пока нет оснований предаваться эйфории на этот счет. Опыт показывает, что административные преобразования на Юге России, разрушая сложившуюся институциональную систему и социальный порядок, нередко усиливают конфликтность этнополитической ситуации. Такой риск связан и с созданием СКФО в его нынешнем виде и составе. С его созданием, напротив, объективно возникает вызов российской идентичности в северокавказском макрорегионе — единственном в России округе, где русские не составляют абсолютного большинства населения. Имеются основания полагать, что дальнейшая территориальная идентичность будет формироваться как северокавказская и колебаться между российской и общекавказской».

В результате проделанного анализа материалов социологического исследования можно заключить:

1) в структуре «мы-идентификаций» как взрослого населения Юга России, так и молодёжи доминируют реальные группы повседневного общения;

2) территориальная специфика проявляется в том, что как взрослое население, так и молодёжь Республики Адыгеи не выносит на приоритетные места общегражданский компонент идентичности, для них более важным является макроуровень региональной

идентификации (близость с жителями своей республики);

3) с другой стороны, для всех рассматриваемых возрастных подгрупп населения Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв, на втором месте в рейтинге распространённости располагается идентификация с гражданами России;

4) этнический компонент социальной идентичности наиболее выражен среди взрослого населения Адыгеи и молодёжи Ставропольского края, что объясняется актуализацией в этих субъектах проблем этнотерриториальной отнесённости в связи с образованием новых федеральных округов — СКФО и ЮФО;

5) субрегиональный уровень идентичности в значимой степени представлен среди разных возрастных групп жителей Республики Адыгея, в то время как макрорегиональная идентификация фиксируется преимущественно среди молодёжи Ростовской области и Ставропольского края;

6) если рассматривать несовпадение соотношений общегражданских, этнических и региональных компонентов идентичности у различных групп молодёжи Юга России через призму дилеммы безопасности, то в этой несогласованности можно увидеть конфликтный потенциал. Видимо, продвижение к утверждению надэтнической и надконфессиональной российской идентичности является необходимым условием процесса укрепления политико-правового пространства страны, основанием которого должно выступать закрепление общегражданских ценностей;

7) результаты глубинных интервью с экспертами отмечают интеграционный потенциал макрорегиональной идентичности населения Юга России, которая формируется «снизу» в процессе складывания экономических макрорегиональных связей; однако фиксируется размывание институционального ресурса этой идентичности в ходе неоднократного административно-территориального «перекраивания» границ макрорегионов.

Примечания:

1. В Ростовской области (место опроса г. Ростов-на-Дону) был опрошен 431 житель, из них 47,9% мужчин и 52,1% женщин. Возрастной параметр выборки представлен следующими группами: 18–20 лет (22%), 21–30 лет (21,5%), 31–40 лет (18,0%), 41–50 лет (14,5%), 51–60 лет (9,6%) и старше 60 лет (14,5%). В Краснодарском крае (место опроса г. Туапсе) было проинтервьюировано 240 человек, из которых 40% мужчин и 60% женщин в возрасте 18–20 лет (21,4%), 21–30 лет (27,1%), 31–40 лет (12,9%), 41–50 лет (14,3%), 51–60 лет (10%) и старше 60 лет (14,3%). В Адыгее (место опроса г. Майкоп) в исследовании приняло участие 398 человек, из них 41,6% мужчин и 53,9% женщин. Возрастные группы опрошенных распределились по сегментам 18-24 года — 13,4%; 25-34 года — 28,0%; 35-44 года — 24,9%; 45-54 года — 17,8%; 55-60 лет — 6,8%; старше 60 лет — 9,2%. В Волгоградской области и Ставропольском крае была опрошена студенческая молодёжь. В г. Волгограде в опросе приняло участие 276 молодых людей (21,4% мужчин и 78,6% женщин), в г. Пятигорске — 126 человек (28,6% мужчин и 78,6% женщин).

2. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. №3-4. С. 167-174; Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. №3-4. С. 167-174.

3. Данилова Е.Н. Указ. соч. С. 77.

References:

1. In the Rostov region (the place of poll is Rostov-on-Don) 431 inhabitants were interviewed, among them there are 47,9% men and 52,1% women. The age parameter of sample is presented by the following groups: 18–20 years old (22%), 21–30 years old (21,5%), 31–40 years old (18,0%), 41–50 years old (14,5%), 51–60 years old (9,6%) and over 60 years old (14,5%). In the Krasnodar territory (the place of poll is Tuapse) 240 persons were interviewed, among them there are 40% men and 60% women at the age of 18–20 years old (21,4%), 21–30 years old (27,1%), 31–40 years old (12,9%), 41–50 years old (14,3%), 51–60 years old (10%) and over 60 years old (14,3%). In Adygheya (the place of poll is Maikop) 398 persons took part in the research, among them there are 41,6% men and 53,9% women. Age groups of the interviewed people were distributed in the segments of 18-24 years old — 13,4%; 25-34 years old — 28,0%; 35-44 years old — 24,9%; 45-54 years old — 17,8%; 55-60 years old — 6,8%; over 60 years old — 9,2%. In the Volgograd region and Stavropol Territory the students were interviewed. In Volgograd 276 young people (21,4% men and 78,6% women) took part in the poll, in Pyatigorsk 126 persons (28,6% men and 78,6% women) took part in the poll.

2. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of the social identity of a person // The World of Russia. 1993. №3-4. P.167-174; Danilova E.N. The changes in social identifications of the Russians // Sociological journal. 2000. №3-4. P. 167-174.

3. Danilova E.N. Mentioned work. P.77.